

УДК 343.973
DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).795-805

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

7 декабря 2017 г.

Дата принятия в печать

15 ноября 2018 г.

Дата онлайн-размещения

24 декабря 2018 г.

Ключевые слова

Аномия; социальные институты; институциональная теория аномии; институциональный дисбаланс; маркетизация; консьюмеризм; убийства; кражи; экономические условия

Аннотация. В условиях глобализационных процессов, воспроизводства социальных рисков, кризисных явлений и детерминирующего влияния экономических процессов во всех сферах жизнедеятельности общества и индивидов исследуются проблемы, связанные с состоянием преступности. Целью статьи является оценка *фактической* степени криминогенности важнейших социальных институтов в современной российской действительности с позиции их преломления в теории аномии. В статье рассматривается теория аномии Э. Дюркгейма, ее интерпретация Р. Мертоном и институциональная теория аномии С. Месснера и Р. Розенфельда. Акцентируется внимание на изменении функций традиционно неэкономических социальных институтов, на актуализации условий, продуцирующих структуризацию общества по критерию «включенность/исключенность», как базы развития системообразующих факторов девиантизации. В то же время авторами подчеркивается, что исследование влияния объективных процессов, происходящих в обществе, должно идти параллельно с исследованием субъективной составляющей, а именно социальных установок, направленных на оценку и степень интериоризации, провозглашаемых и зачастую навязываемых и рассматриваемых как значимые стимулы достижения целей. В работе используется метод анализа вторичных данных — опросов общественного мнения, проводится анализ статистических данных, включающих различные социально-экономические, демографические и другие показатели, а также метод анкетирования. Для прогнозирования ситуации в области изучения преступного поведения предлагается уделять внимание процессам декоммодификации, которые служат основой для снижения дисбаланса в восприятии человеком своего положения в обществе, а также учитывать негативное влияние экономических аспектов на культурно-нравственные устои общества.

SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF CRIME IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Elena Yu. Kostina, Nadezhda A. Orlova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2017 December 7

Accepted

2018 November 15

Available online

2018 December 24

Keywords

Anomie; social institutions; institutional anomie theory; institutional imbalance; marketization; consumerism; homicide; theft; economic conditions

Abstract. The authors research the criminal situation in the conditions of globalization, reproduction of social risks, crisis and dominance of economic processes over all spheres of social and private life. The goal of the paper is to evaluate the *actual* degree of criminogenity of most important social institutions in modern Russia from the standpoint of the anomie theory of E. Durkheim, its interpretation by R. Merton and of the institutional anomie theory of S. Messner and R. Rosenfeld. They highlight changes in traditional non-economic social institutions and the actualization of conditions causing social stratification according to the «inclusion/exclusion» criterion, which act as a basis for the development of systemic deviantization factors. At the same time, the authors stress that the research of objective social processes should go hand-in-hand with the research of the subjective component, namely, social attitudes aimed at the assessment and the degree of interiorization, declared and often imposed and viewed as meaningful incentives for reaching objectives. This research uses the method of analyzing the secondary data of public surveys, it analyzes statistical data, including various socio-economic, demographic and other indices as well as the questionnaire method. In order to predict the situation in the sphere of studying criminal behavior, the authors suggest paying attention to the

processes of de-commoditization, which act as a basis for reducing the imbalance in how a person perceives his/her position in society; they also suggest taking into consideration the negative impact of economic aspects on the cultural and moral principles of the society.

Анализ современных социальных процессов и неустойчивости современного общества, которые порождают у людей состояние безнормности, бессмысленности, бессилия, социальной изоляции и пессимизма, заставляет исследователей все чаще обращаться к теории аномии. Аномия — это такое состояние общества, когда происходит разрушение определенных устоявшихся социальных ценностей и норм поведения, которые ранее поддерживали общественный порядок, а в изменившихся социально-экономических условиях перестали соответствовать новым идеалам общества (с французского данный термин можно перевести как беззаконие, безнормие).

В зарубежной криминологической практике в последнее время наблюдается всплеск интереса к традиционной теории аномии Э. Дюркгейма [1], интерпретации данной теории Р. Мертоном [2] и к институциональной теории аномии (С. Месснер, Р. Розенфельд [3]). Среди основных исследований в данном направлении можно выделить работы таких ученых, как Е. Баумер (E. P. Baumer), Р. Густафсон (R. Gustafson) [4], М. Чамлин (M. V. Chamlin), Дж. Кохрэн (J. K. Cochran) [5; 6], Дж. Саволайнен (J. Savolainen) [7], Ф. Левчак (Ph. J. Levchak) [8] и др. Данные исследования показали, что аномия присутствует в экономически развитых странах, где культура ориентирована на экономические достижения и для значительной части граждан законные и социально предписанные и одобряемые средства достижения этих целей заблокированы.

Дифференциация и специализация человеческой деятельности, по мнению Э. Дюркгейма, играют важную роль в появлении аномии в обществе, так как приводят к институциональному дисбалансу, в котором экономика начинает подменять собой другие социальные институты, что является причиной в том числе и увеличения числа убийств в обществе. Самоизоляция человека и утрата им чувства солидарности с конкретной социальной группой возникают по мере усложнения общества и экономики, которые способствуют росту масштабов общественного воспроизводства до глобального уровня. Соответственно, появление аномии неизбежно в процессе общественного развития. Индикатором,

отражающим уровень благополучия (неблагополучия) населения, является степень распространения в обществе различных типов девиаций, в частности убийств. Э. Дюркгейм писал: «...аномия порождает состояние отчаяния и раздражительной усталости, которая может, смотря по обстоятельствам, обратиться против самого субъекта или против других; в первом случае мы имеем самоубийство, во втором — убийство» [1, с. 293–294]. Французский исследователь писал о переходе от сельскохозяйственных обществ к индустриальным, но модернизацию, порождающую процесс глобализации, который захватил современное общество и экономику, следует также рассматривать как причину институционального дисбаланса. Ф. Фукуяма связывает второй разрыв в системе ценностей на Западе с возникновением постиндустриальной стадии, когда научно-технический прогресс не ведет к такому же росту морали в обществе. Формирование культуры неограниченного индивидуализма приводит к ситуации, когда ломка правил является основным правилом, что порождает неопределенность границ нормального и запретного, кризис доверия и права [9]. Данные изменения носят глобальный характер и затрагивают каждого человека в развитых постиндустриальных обществах; согласно Э. Гидденсу, то, что происходит, можно назвать революцией во всех аспектах повседневной жизни [10].

В основе хорошо функционирующего общества, по мнению Э. Дюркгейма, лежит социальное регулирование нормативного порядка, социальные институты являются основой данного регулирования, культивируя ограничения и задавая социально одобряемые направления поведения. Также он считал, что общество в периоды изменений не может сдерживать человека и оказать на него нужное воздействие [1, с. 293–294], соответственно, разрушение норм социума приводит к росту социально отклоняющегося поведения и преступности как одного из его видов, а также к стиранию границы между нормой и патологией. Идея Э. Дюркгейма о взаимосвязи между силой влияния экономических и неэкономических институтов и убийств нашла свое продолжение в работах таких ученых, как Дж. Саволайнен (J. Savolainen)

[7], В. Бьеррегард (V. Bjerregaard) и Дж. Кохрэн (J. K. Cochran) [11; 12].

Если для Э. Дюркгейма аномия представляет собой дезорганизацию общества, распад системы ценностей, гарантирующих социальный порядок, то для Р. Мертон — рассогласование между социально одобряемыми целями и легитимными способами их достижения (т. е. между терминальными и институциональными ценностями). Американский социолог обращал внимание на то, что в американском обществе чрезмерное значение придается накоплению и демонстрации собственного богатства, которое выступает символом успеха человека. Складывается ситуация, когда многие желания человека, которые он стремится удовлетворить, вызваны цивилизаторской деятельностью самого общества, а не витальными потребностями индивида. Но институционализированные способы достижения богатства доступны далеко не всем, поэтому для ряда людей достижение цели любыми средствами становится нормой («победителей не судят», «все средства хороши»). Западная цивилизация (как и российская сейчас) декларирует, что цели материального благосостояния может достичь любой человек, а усердный труд, экономность и образованность обязательно дадут требуемый результат, но при этом сама социальная структура общества существенно ограничивает низшим слоям (а в России и среднему классу) каналы и возможности достижения данной цели общественно признанными путями. Таким образом, выбор «карьеры преступника» — это возможность для человека осуществлять восходящую мобильность в современном обществе. Стараясь понять, почему человек идет на преступление, ряд исследователей выделяют основным мотивом желание получить материальные выгоды, дополнительный доход (К. Фолей (C. F. Foley) [13], М. Лин (M. J. Lin) [14], С. Рафаэль (S. Raphael) и Р. Винтер-Эбмер (R. Winter-Ebmer) [15], Дж. Вильямс (J. Williams) и Р. С. Сиклес (R. C. Sickles) [16] и др.).

В случае когда обогащение как цель превозносится современной культурой общества, а существующие социальные организации и институты не позволяют или ограничивают возможный доступ к апробированным средствам ее достижения, ведущим становится принцип «цель оправдывает средства», что приводит к росту преступности и криминализации общества [17, с. 318]. Навязываемая социумом социальная установка на индивидуализм и личност-

ные достижения в виде социальных статусов и материальных благ выступает основным источником роста аномии в обществе. Из предложенных Р. Мертоном способов индивидуальной адаптации к сложившейся ситуации, инноваторство и ретретизм толкают к использованию незаконных средств обогащения, ритуализм делает человека подавленным и беспомощным, а бунтарство (мятеж) подталкивает к экстремизму и терроризму. По мнению Я. И. Гилинского, «важнейшим криминогенным (вообще девиантогенным) фактором служит противоречие («напряжение», strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, т. е. степень социально-экономической дифференциации и неравенства» [18, с. 14]. Р. Мертон подчеркивал, что основной фактор распространения преступности в низших социальных стратах не бедность как таковая, а нарушение равновесия между определяющими массовое поведение культурными детерминантами [17, с. 123], так как идея «успеха для всех» становится тесно связана с фортуной, которая одним дает вознаграждение за приложенные усилия, а другим нет. Все это приводит к ситуации, когда нормой становятся незаконные, антисоциальные способы достижения «мечты».

С. Месснер, Р. Розенфельд, Г. Том (H. Thome) [19], развивая идеи Р. Мертона, предлагают собственную институциональную модель аномии (Institutional Anomie Theory (IAT)), в которой высокий уровень преступности объясняется идеологией «американской мечты» и акцентированием внимания в обществе на экономических целях, что вместе с обесцениванием ряда других социальных институтов, таких как семья, образование и религия, приводит к созданию социальной ситуации, провоцирует рост преступности. Р. Мертон уделял внимание именно особенностям стратификации в обществе как основной составляющей аномической культуры, ведущей к девиации, а IAT описывает институциональную конфигурацию, которая приводит к появлению культуры аномии. Основная идея данной теории заключается в том, что в капиталистических обществах действует дисбаланс власти в пользу экономики, что приводит к аномии на макроуровне. Все это обуславливает проявление аномии на индивидуальном уровне в виде потери социальных норм, приводящей к личной аномии, доминированию эгоистических

мотивов и морали, которая начинает оценивать материальный успех и личные достижения мерками «хорошо-плохо» [3]. Складывающиеся у человека в данной ситуации социальные ценности имеют крен в сторону достижения высокого уровня благосостояния, эгоистического индивидуализма, фетишизации денег. По мнению С. Месснера, происходит своеобразное освящение денег как меры успеха [20], что порождает агрессивное и уголовное поведение, лишённое просоциальных ценностей.

Можно выделить несколько эмпирических исследований, в которых ИАТ была применена на индивидуальном уровне (Дж. Каллен (J. V. Cullen) [21], Дж. Хаган (J. Hagan) [22], Л. Муфтик (L. R. Muftić) [23] и др.). По результатам одного из последних исследований [24] были определены критерии для измерения аномии на индивидуальном уровне. Так, ее основу составляет успех, индивидуализм, фетиш денег и доминирование «рыночных» ролей в ролевом наборе индивида. Маркетизация современного общества, когда оно оказывается опутано рыночными отношениями, основанными на товарном обмене и материальной заинтересованности, уже давно является одним из центральных вопросов современной социологической дискуссии (Ю. Хабермас, П. Бурдьё, К. Поланьи). Было установлено, что механизм маркетизации, т. е. введение во все сферы жизни рыночных отношений, особенно заметен у следующих социальных групп: мужчины; люди

с низким уровнем образования; люди с низким уровнем доходов. Данные выводы находят подтверждение и в российской статистике (табл. 1 и 2). Экономическое доминирование проявляется через обесценивание неэкономических институциональных функций и социальных ролей (особенно когда возникает противоречие между требованиями экономических «рыночных» ролей), а также проникновение экономических норм в другие социальные институты, такие как семья, образование и религия. Соответственно, можно ожидать присутствия аномии в обществе при наличии трех составляющих: сильная экономика (наличие экономической свободы), ориентированность на личные достижения и материальный успех в обществе, а также существенные группы населения, сталкивающиеся с трудностями в достижении успеха.

И хотя классические теории аномии были сосредоточены больше на экономических преступлениях, С. Месснер и Р. Розенфельд утверждают, что ИАТ может объяснить все серьезные преступления, в том числе и убийства, угрозу жизни и здоровью, кражи, разбой и грабежи [25]. Преступления против собственности исследуются в работах таких ученых, как Т. Чирикос (T. G. Chiricos) [26], К. Лэнд (K. C. Land), Д. Кантор (D. Cantor) и С. Рассел (S. T. Russell) [27], а убийства — Л. Хагхес (L. A. Hughes), Л. Шайбле (L. M. Schaible) и Б. Гиббс (B. R. Gibbs) [28].

По мнению С. Месснера и Р. Розенфельда, разрыв между культурными целями и законными

Таблица 1 / Table 1

Динамика количества лиц без постоянного источника дохода в общем количестве лиц, совершивших преступления в РФ, тыс. чел.*

Dynamics of the number of persons without a steady source of income in the total number of persons who committed crimes in the Russian Federation, th. people

Год / Year	Общее количество совершивших преступления / Total number of persons who committed crimes	Из них без постоянного источника дохода / Among them, persons without a steady source of income	Соотношение, % / Ratio, %
1990	897,3	151,5	16,9
2000	1 741,4	954,2	54,8
2005	1 297,1	781,8	60,3
2010	1 111,1	730,3	65,7
2011	1 041,3	690,9	66,3
2012	1 010,9	674,7	66,7
2013	1 012,6	665,0	65,7
2014	1 006,0	663,1	65,9
2015	1 075,3	716,6	66,6

* Составлена по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#.

Таблица 2 / Table 2

Динамика количества лиц мужского пола без постоянного источника дохода в общем количестве лиц, совершивших преступления в РФ, тыс. чел.***Dynamics of the number of males without a steady source of income in the total number of persons who committed crimes in the Russian Federation, th. people**

Год / Year	Общее количество совершивших преступления / Total number of persons who committed crimes	Из них лица мужского пола без постоянного источника дохода / Among them, males without a steady source of income	Соотношение, % / Ratio, %
1990	897,3	774,6	86,3
2000	1 741,4	1 457,3	83,7
2005	1 297,1	1 118,7	86,2
2010	1 111,1	938,7	84,5
2011	1 041,3	882,0	84,7
2012	1 010,9	856,6	84,7
2013	1 012,6	856,3	84,6
2014	1 006,0	847,8	84,3
2015	1 075,3	903,1	84,0

* Составлена по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#.

средствами достижения успеха привел к ситуации, когда высокие темпы роста числа серьезных преступлений в США являлись результатом доминирования экономики над другими социальными институтами, ориентации на личные достижения, индивидуализм, материализм и фетишизм денег. Данные авторы солидарны с Э. Дюркгеймом в вопросе зависимости аномии от социальных изменений и отмечают, что коэффициент Джини и оценка экономической дискриминации напрямую связаны с показателем уровня убийств (там, где больше выражено неравенство в доходах и более распространена экономическая дискриминация, будет выше и уровень убийств) [25]. Тем самым С. Месснер и Р. Розенфельд приходят к идее необходимости усиления социальной политики и декоммодификации в государстве, что может стать действенной мерой снижения числа убийств в обществе. Г. Эспинг-Андерсен разработала понятие декоммодификации как показателя предоставления государством защиты социальных прав и социальной поддержки гражданам. Данный показатель демонстрирует степень защищенности человека от рыночной нестабильности [29]. П. Мак-Калл (P. L. McCall) и Дж. Брауэр (J. R. Brauer) по результатам лонгитюдного исследования влияния изменений социальной поддержки государства на уровень преступности в Европе установили, что даже краткосрочные меры по поддержке благосостояния связаны с сокращением числа убийств [30]. Данные взаимосвязи особенно важно учитывать в современных экономических условиях, когда в ре-

зультате кризиса многие страны были вынуждены урезать социальные статьи своих бюджетов, что в последнее время происходит и в России.

Характеристика социально-экономического расслоения современного российского общества является основой для анализа сложившейся в настоящее время ситуации, так как в криминологии комплекс факторов, воспроизводящих преступность, традиционно начинается с оценки экономического состояния общества. Большинство исследователей для характеристики социального неравенства используют индекс Джини, который демонстрирует степень расслоения общества по какому-либо признаку (чаще всего уровень годового дохода). Необходимо отметить, что данный показатель должен стремиться к нулю, тогда можно говорить о равномерном распределении доходов. Чем он выше, тем сильнее расслоение общества. Если коэффициент концентрации доходов в 1991 г. в России составлял 0,260, то к 1994 г. на фоне происходивших реформ он вырос до 0,409, а в 2015 г. — до 0,413¹. Исходя из статистических данных за период с 1991 по 2015 г. можно отметить, что пик неравенства в распределении денежных доходов достигнут в 2007 г. (0,422). Начиная с 1993 г. резких скачков в изменении данного индекса не наблюдалось, для кривой

¹ Приложение к ежегоднику «Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2015 гг.». URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13_p/Main.htm.

характерны незначительные колебания динамики распределения доходов в пределах 0,387–0,422. При этом начиная с 2003 г. (до 2012 г. и с небольшим снижением в период 2013–2015 гг.) наблюдалась тенденция к росту данного коэффициента, что свидетельствует об усилении неравенства в распределении доходов населения.

Другим показателем дифференциации доходов населения, который позволяет оценить интенсивность протекания данного процесса в обществе, является коэффициент фондов. Так, если в 1992 г. коэффициент фондов составлял 8,0, то уже в 2015 г. он вырос до 15,6, т. е. практически в 2 раза (максимальный — 16,6 — в 2008–2010 гг.)². Таким образом, согласно официальной статистике, доходы 10 % самых богатых россиян превышают доходы 10 % самых бедных приблизительно в 16 раз (диапазон 15,7–16,7 раза в период 2007–2015 гг.). По рекомендациям ООН, этот коэффициент не должен превышать 8–10, иначе ситуация в демократической стране чревата социальными катаклизмами.

С. Г. Кара-Мурза обращает внимание на изменения, произошедшие в российском обществе за последнюю четверть века, когда в сознание россиян была внедрена совершенно новая система потребностей, в которой на первый план выходят гедонизм и потребление, закрывая собой нравственные нормы. Для большинства населения реализация данных притязаний легитимными способами невозможна. Это подталкивает человека к нелегальным способам достижения желаемого, если он не может или не хочет смириться с данной ситуацией [31, с. 175]. Предполагается, что бедные люди могут быть более склонны к совершению преступлений, так как их возможности для законного достижения целей блокированы, у них также ограничен доступ к правовой системе и защите собственных прав и экономических интересов легитимными способами, социальный контроль в районах проживания бедняков, где наблюдается скученность населения и отсутствие тесных социальных связей, снижен.

Роль экономического неравенства в преступлениях всегда представляла интерес для социологов, положительная корреляция между неравенством доходов и уровнем убийств была выявлена в ряде исследований [5; 6]. Структуризацию современного общества по критерию «включенность/

² Коэффициент фондов (соотношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения). URL: gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/tb1-2016.docx.

исключенность» (inclusive/exclusive) можно считать одним из системообразующих факторов девиантзации общества, когда происходит постоянно увеличивающийся разрыв между благосостоянием одних и обеднением других. Стоит отметить, что если в западных обществах данный процесс шел постепенно (разрыв социальных связей, дисквалификация, кризис идентичности), то Россия прошла через ряд шоковых экономических преобразований, которые разделили людей на богатых и бедных, а именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности [18, с. 13].

Все социально-экономические изменения, происходящие в современном западном и российском обществе, ориентированы во многом на переносы законов экономики в другие социальные институты общества. Сегодня семья, политика, образование и религия оцениваются через экономические показатели и рассматриваются как способ улучшения экономического положения индивида, переставая играть роль стабилизатора и защитника. Проведенный расчет институционального дисбаланса в странах Европы является неутешительным для России, так как она с показателем 1,31 занимает в нем последнее место [32], что находит отражение и в количестве совершаемых преступлений.

Стоит отметить, что большинство неэкономических институтов современного российского общества «девальвировались», а их основные цели оказались подчинены экономике. Так, образование давно перестало цениться само по себе и рассматривается в основном как способ обеспечения оплачиваемой работы [33, р. 71]. По мнению Ж. Бодрийяра, сегодня университет не является функциональным в социальном плане рынка и занятости, он лишен целенаправленного знания и представляет для власти (не интересующейся отбором, так как свою элиту она найдет в другом месте) зону надзора за целой возрастной категорией; университетские ценности функционируют сами по себе, в отрыве от своего содержания [34, с. 195]. Аналогичным образом семья и власть стали ориентироваться на улучшение экономического положения своих членов.

Во время общественного сдвига в сторону индивидуализации большую роль играет тот капитал, который может дать семья, заложив основу для дальнейшей восходящей мобильности и обеспечения своих потребностей. Семья как социальный институт потенциально, в силу возложенных на нее обязательств, вы-

ступает одним из основных инвесторов в человеческий капитал и в то же время находится в сложной системе экономических и социальных отношений. Именно с этим во многом связано сокращение количества детей в семье и стабильно высокие показатели разводимости (при снижении показателей брачности) в российском обществе. При этом из-за ограниченности имеющихся ресурсов вложение их в одних членов семьи уменьшает потребление других. По мнению Э. Тоффлера, изменились функции семьи: если когда-то семья представляла собой средство защиты от ударов общества, то в ходе развития сверхиндустриальной революции она сама становится источником воспроизводства шоков [35, с. 274].

Статистические данные свидетельствуют, что в России за последние полвека уменьшилась рождаемость, произошли изменения в структуре семьи. В 1950 г. в России на 1 тыс. чел. приходилось 26,9 родившихся, в 2015 г. этот показатель снизился до 13,3³. С 2016 г. фиксируется тенденция спада рождаемости, так, по высоким прогностическим оценкам, к 2030 г. на 1 тыс. чел. будет приходиться 10,8 родившихся (при низком варианте прогноза — 9,3)⁴. Сравнительный анализ данных, полученных в результате переписи населения, проводившейся в 2002 и 2010 гг., показывает сокращение семей с тремя и более детьми при увеличении семей с одним и двумя детьми⁵. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет: с одним ребенком — 67,4 %, с двумя детьми — 26,8 %, с тремя и более детьми — 5,8 %⁶. Данная тенденция наблюдается не только в нашей стране, но и во многих других странах мира.

В период с 1950 по 2015 г. количество заключенных браков на 1 тыс. чел. населения заметно сократилось: с 12,0 в 1950 г. до 7,9 в 2015 г. С другой стороны, значительно вырос показатель разводимости: если в 1950 г. на

1 тыс. чел. населения приходилось 0,5 разводов, то в 2015 г. — 4,2⁷. Высокий процент разводов, по мнению Э. Тоффлера, можно объяснить падением статистических шансов на любовь, которые обусловлены высоким темпом перемен и высокой продолжительностью жизни [32, р. 270].

Как социальный институт, политическая система может поощрять достижение общих целей. С. Месснер и Р. Розенфельд [3] утверждают, что участие граждан в политическом процессе способствует появлению чувства общности и приводит к сокращению аномии. Так, снижение явки избирателей на выборах может говорить о девальвации государственной власти. Особо показательны в данном вопросе участие людей в местном самоуправлении, в выборах на местном муниципальном уровне, явка на которые в России самая низкая, хотя именно на этом уровне формируется социальная среда, в которой живет и реализует свои потенции человек.

Как было сказано выше, аномия ведет к увеличению уровня различных видов девиаций, в том числе и преступного поведения. Преступления представляют собой социальное явление, которое оказывает отрицательное влияние на развитие общества в целом, а также затрагивает огромное количество людей, которые ежедневно становятся жертвами преступлений (в 2015 г. число лиц, потерпевших преступные посягательства, составило 1 699,1 тыс., из них мужчин — 893,6 тыс., женщин — 805,5 тыс.; из числа несовершеннолетних — 102,7)⁸. В начале 90-х гг. (на фоне происходивших изменений во всех сферах жизнедеятельности, следствием которых стали рост цен, усиление дифференциации доходов населения, спад производства и т. д.) в России выросло число преступлений против собственности. По сравнению с 1990 г. число таких преступлений в 1991 г. увеличилось на 30,6 %, темп прироста к 1987 г. составил 184,2 %. Наибольший процент от общего числа преступлений против собственности составили кражи личного имущества граждан: в 1987 г. — 52,1 %, 1991 г. — 57,4 %; стоит отметить и рост числа краж государственного или

³ Демография. Естественное движение населения. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

⁴ Демографический прогноз до 2035 года. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

⁵ Всероссийская перепись 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=30> ; Всероссийская перепись 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

⁶ Семья, материнство и детство. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#.

⁷ Демография. Браки и разводы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

⁸ Российский статистический ежегодник. 2016 : стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 261.

общественного имущества с 18,7 до 27,4 % соответственно⁹.

На наш взгляд, оценка возможного изменения уровня отдельных видов преступлений возможна только через использование и сопоставление двух подходов — объективного и субъективного, что предполагает получение информации из двух взаимодополняющих источников, к которым относятся данные статистики и результаты социологических опросов населения. Нестабильность развития российского общества, сменяющие друг друга реформы, дефолты и кризисы формируют социальную ситуацию, в которой человек не может быть уверен в устойчивости своего социального положения на протяжении длительного периода. В. В. Кривошеев называет данную ситуацию распространенностью коротких жизненных проектов [36, с. 69], понимая под этим индивидуальные планы и перспективы, рассчитанные людьми на непродолжительное время. Не имея возможности планировать свою жизнь на длительный период и ограничивая себя ближайшим будущим, человек желает получить максимально возможное количество благ в максимально короткий промежуток времени.

Результаты исследования, проведенного Институтом социальных исследований (2012 г.), показывают, что, по мнению большинства населения (55 %), социальное положение и престиж человека в современном обществе определяются владением деньгами, материальными или другими ценностями¹⁰. Наибольшее значение для опрошенных представляют: семья, рождение и воспитание детей (53,1 %), состояние здоровья (52,5 %), личное материальное положение (52,4 %) ¹¹.

По данным опроса, проведенного Фондом общественного мнения (2014 г.), 58 % россиян стремятся иметь как можно больше денег, 36 % не испытывают такого стремления. При этом люди, которые стараются иметь как можно больше денег, вызывают у населения уважение (64 %) и симпатию (59 %), по сравнению с 2005 г. их число выросло. Более половины опрошенных считают, что число людей, которые стараются иметь как можно больше денег, в последние годы в России растет. При этом 49 % респондентов полагают, что у людей, которые могут и хотят

работать, возможность прилично зарабатывать отсутствует, и 38 % считают, что такая возможность существует (в 2005 г. данное соотношение составляло 60 и 31 %) ¹².

По мнению Я. И. Гилинского, социальная неустроенность может не осознаваться индивидом, а, будучи осознана, проявляться психологически как неудовлетворенность [18]. Авторами данной статьи в 2015 г. было проведено социологическое исследование жителей Приморского края ($N = 958$) ¹³, направленное на оценку субъективного экономического благополучия в регионе. По результатам данного исследования можно говорить о том, что население края ориентировано на улучшение своего экономического положения: так, 63,7 % хотели бы в большей или очень большей мере повысить уровень своих доходов. 23,9 % из них оценивают свое материальное положение на данный момент как довольно стабильное (что выражается в ответах «Денег хватает на продукты питания, одежду и товары длительного пользования, но на очень дорогие предметы (квартира, машина, дача и т. п.) уже не хватает, регулируем свои расходы» и «Денег хватает на все, и даже на очень дорогие предметы, делаем накопления»). То есть речь идет не о потребности удовлетворения основных нужд, а о желании получить больше необходимого и в самые ближайшие сроки, что позволяет нам говорить об ориентированности людей на материальные и финансовые ценности. В целом свое социальное и экономическое благополучие люди во многом выстраивают через сравнение себя с окружающими, которые имели одинаковые с ними возможности в достижении своих целей («американской мечты»), и эти сравнения зачастую говорят, что человек не смог получить желаемый уровень жизни, кто-то был удачливее него. Так, 46,2 % респондентов признаются, что многие из их знакомых преуспели в жизни больше, чем они, а 28,8 % вообще согласны с тем, что завидуют образу жизни многих людей.

Конечно же, иметь больше средств и не зависеть от обстоятельств — это вполне объяснимое желание, но насколько оно определяет жизнь человека и его социальные выборы? На вопрос «Как Вы оцениваете силу (интенсив-

⁹ Преступность и правонарушения : стат. сб. / М-во внутр. дел РФ, М-во юстиции РФ. М. : Финансы и статистика, 1992. С. 27.

¹⁰ Ценности в массовом сознании россиян // Социология власти. 2012. № 2. С. 237.

¹¹ Там же. С. 238.

¹² Об отношении к деньгам. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11365>.

¹³ Исследование было проведено авторами в 2015 г. на территории Приморского края; выборка квотная по полу и месту жительства.

ность) Вашего желания иметь деньги?» 50,6 % респондентов ответили, что интенсивность их желания обладает большой и очень большой силой, что позволяет предположить, что для них влияние института экономики во многом является первостепенным. Сделанное предположение косвенно подкрепляется полученными данными на утверждение «Меня не интересуют занятия, которые принесут результат в отдаленном будущем», с которым 30,4 % респондентов выразили разную степень согласия. Полученные данные позволяют предположить, что, не строя длительных социальных проектов, испытывая сильное желание в увеличении получаемых средств и не имея социально одобряемых способов для удовлетворения потребностей, часть людей может выбрать и не совсем законный способ получения желаемого.

Можно обратиться к ставшему уже классическим утверждению К. Поланьи об опасностях,

связанных с передачей рыночных механизмов социальным отношениям, высказанному в «Великой трансформации». Он предупреждал, что если рынку будет позволено полное и свободное господство («саморегулирование рынка»), то нравственные и культурные основы общества будут подорваны, разрушив защиту других социальных институтов, люди погибнут от последствий социальных воздействий [36]. Поэтому важно выявить латентные риски, порождающие преступность в российском обществе, и предпринять меры по их нивелированию и предупреждению. Необходимо уделять более пристальное внимание проблемам, связанным с увеличением разрыва между реальными доходами населения и привлекательными жизненными стандартами, а также анализировать преступность с учетом поправочного коэффициента на ее латентность и сопоставительного анализа структуры рассматриваемых видов преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Н. Ильинского. — СПб. : Союз, 1998. — 496 с.
2. Merton R. K. Social Structure and Anomie / R. K. Merton // *American Sociological Review*. — 1938. — Vol. 3, № 5. — P. 672–682.
3. Messner S. F. Crime and the American Dream / S. F. Messner, R. Rosenfeld. — Belmont : Wadsworth, 2012. — 154 p.
4. Baumer E. P. Social Organization and Instrumental Crime: Assessing the empirical Validity of Classic and Contemporary Anomie Theories / E. P. Baumer, R. Gustafson // *Criminology*. — 2007. — Vol. 45, iss. 3. — P. 617–663. — DOI: 10.1111/j.1745-9125.2007.00090.x.
5. Chamlin M. B. Economic Inequality, Legitimacy, and Cross-national Homicide Rates / M. B. Chamlin, J. K. Cochran // *Homicide Studies*. — 2006. — Vol. 10, № 4. — P. 231–252.
6. Chamlin M. B. An Evaluation of the Assumptions that underlie Institutional Anomie Theory / M. B. Chamlin, J. K. Cochran // *Theoretical Criminology*. — 2007. — Vol. 11, iss. 1. — P. 39–61.
7. Savolainen J. Inequality, welfare State, and Homicide: further Support for the Institutional Anomie Theory / J. Savolainen // *Criminology*. — 2000. — Vol. 38, iss. 4. — P. 1021–1042.
8. Levchak Ph. J. Extending the Anomie Tradition: An Assessment of the Impact of Trade Measures on Cross-National Homicide Rates / Ph. J. Levchak // *Homicide Studies*. — 2015. — Vol. 19, iss. 4. — P. 384–400.
9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. — М. : Аст, 2015. — 576 с.
10. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс ; пер. с англ. М. Л. Коробочкина. — М. : Весь мир, 2004. — 120 с.
11. Bjerregaard B. Want amid plenty: Developing and testing a cross-national measure of anomie / B. Bjerregaard, J. K. Cochran // *International Journal of Conflict and Violence*. — 2008. — Vol. 2, iss. 2. — P. 182–193.
12. Bjerregaard B. A Cross-national Test of Institutional Anomie Theory: do the Strength of other Social Institutions Mediate or Moderate the Effects of the Economy on the Rate of Crime? / B. Bjerregaard, J. K. Cochran // *Western Criminology Review*. — 2008. — Vol. 9, № 1. — P. 31–48.
13. Foley C. F. Welfare Payments and Crime / C. F. Foley // *Review of Economics and Statistics*. — 2011. — Vol. 93, № 1. — P. 97–112.
14. Lin M. J. Does Unemployment Increases Crime? Evidence from US Data 1974–2000 / M. J. Lin // *Journal of Human Resources*. — 2008. — Vol. 43, iss. 2. — P. 413–436.
15. Raphael S. Identifying the Effect of Unemployment on Crime / S. Raphael, R. Winter-Ebmer // *The Journal of Law and Economics*. — 2001. — Vol. 44, iss. 1. — P. 259–283.
16. Williams J. An Analysis of the Crime as Work Model: Evidence from the 1958 Philadelphia Birth Cohort Study / J. Williams, R. C. Sickles // *Journal of Human Resources*. — 2002. — Vol. 37, iss. 3. — P. 479–509.
17. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон ; пер. с англ. Е. Н. Егоровой [и др.]. — М. : Аст, 2006. — 873 с.
18. Гишинский Я. И. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова) / Я. И. Гишинский // *Публичное и частное право*. — 2010. — № 1 (5). — С. 7–20.
19. Messner S. F. Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory / S. F. Messner, H. Thome, R. Rosenfeld // *International Journal of Conflict and Violence*. — 2008. — Vol. 2, iss. 2. — P. 163–181.
20. Messner S. F. An Institutional-anomie Theory of Crime: Continuities and Elaborations in the Study of Social Structure and Anomie / S. F. Messner // *Cologne Journal of Sociology and Social Psychology*. — 2003. — Vol. 43, № 1. — P. 93–109.

21. Cullen J. B. Cross-national Differences in Manager's Willingness to Justify Ethically Suspect Behaviors: A Test of Institutional Anomie Theory / J. B. Cullen, K. P. Parboteeah, M. Hoegl // *Academy of Management Journal*. — 2004. — Vol. 47, № 3. — P. 411–421.
22. Subterranean sources of subcultural delinquency beyond the American Dream / J. Hagan [et al.] // *Criminology*. — 1998. — № 36 (2). — P. 309–341.
23. Muftić L. R. Advancing Institutional Anomie Theory: A Microlevel Examination Connecting Culture, Institutions, and Deviance / L. R. Muftić // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. — 2006. — № 50. — P. 630–653.
24. Understanding the Devaluation of Vulnerable Groups: A Novel Application of Institutional Anomie Theory / A. Hövermann [et al.] // *Social Science Research*. — 2015. — Vol. 52. — P. 408–421.
25. Messner S. Political Restraint of the Market and Levels of Criminal Homicide: A Cross-National Application of Institutional Anomie Theory / S. Messner, R. Rosenfeld // *Social Forces*. — 1997. — Vol. 75, № 4. — P. 1393–1416.
26. Chiricos T. G. Rates of Crime and Unemployment: An Analysis of Aggregate Research Evidence / T. G. Chiricos // *Social Problems*. — 1987. — Vol. 34, iss. 2. — P. 187–212.
27. Land K. C. Unemployment and Crime Rate Fluctuations in Post-World War II United States: Statistical Time Series Properties and Alternative Models / K. C. Land, D. Cantor, S. T. Russell // *Crime and Inequality* / ed. J. Hagan, R. D. Peterson. — Stanford, 1995. — P. 55–79.
28. Hughes L. A. Economic Dominance, the «American Dream», and Homicide: A Cross-national Test of Institutional Anomie Theory / L. A. Hughes, L. M. Schaible, B. R. Gibbs // *Sociological Inquiry*. — 2015. — Vol. 85, iss. 1. — P. 100–128.
29. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1990. — 248 p.
30. McCall P. L. Social Welfare Support and Homicide: Longitudinal Analyses of European Countries From 1994 to 2010 / P. L. McCall, J. R. Brauer // *Social Science Research*. — 2014. — Vol. 48. — P. 90–107.
31. Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления / С. Г. Кара-Мурза. — М. : Науч. эксперт, 2013. — 264 с.
32. Hövermann A. Institutional Imbalance, Integration into Non-economic Institutions, and a Marketized Mentality in Europe: A multilevel, Partial Elaboration of Institutional Anomie Theory / A. Hövermann, E. Groß, S. F. Messner // *International Journal of Comparative Sociology*. — 2016. — Vol. 57, iss. 4. — P. 231–254.
33. Kostina E. Yu. Choice of Employment Career by Russian Students in Modern Labor Market Conditions / E. Yu. Kostina, N. A. Orlova // *Indian Journal of Science and Technology*. — 2016. — Vol. 9, № 44. — P. 69–73.
34. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. О. А. Печенкина. — Тула : Тул. полиграфист, 2013. — 204 с.
35. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. — М. : Аст, 2002. — 557 с.
36. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты как основа аномии в современном обществе / В. В. Кривошеев // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. — 2009. — № 6. — С. 69–77.
37. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени : пер. с англ. / К. Поланьи. — СПб. : Алетейя, 2002. — 320 с.

REFERENCES

1. Durkheim É. *Le Suicide. Étude de Sociologie*. Paris, Félix Alcan, 1897. 462 p. (Russ. ed.: Dyurkgeim E. *Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etyud*. Saint Petersburg, Soyuz Publ., 1998. 496 p.).
2. Merton R. K. Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*, 1938, vol. 3, no. 5, pp. 672–682.
3. Messner S. F., Rosenfeld R. *Crime and the American Dream*. Belmont, Wadsworth, 2012. 154 p.
4. Baumer E. P., Gustafson R. Social Organization and Instrumental Crime: Assessing the Empirical Validity of Classic and Contemporary Anomie Theories. *Criminology*, 2007, vol. 45, iss. 3, pp. 617–663. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2007.00090.x.
5. Chamlin M. B., Cochran J. K. Economic Inequality, Legitimacy, and Cross-national Homicide Rates. *Homicide Studies*, 2006, vol. 10, no. 4, pp. 231–252.
6. Chamlin M. B., Cochran J. K. An Evaluation of the Assumptions that underlie Institutional Anomie Theory. *Theoretical Criminology*, 2007, vol. 11, iss. 1, pp. 39–61.
7. Savolainen J. Inequality, Welfare State, and Homicide: further Support for the Institutional Anomie Theory. *Criminology*, 2000, vol. 38, iss. 4, pp. 1021–1042.
8. Levchak Ph. J. Extending the Anomie Tradition: An Assessment of the Impact of Trade Measures on Cross-National Homicide Rates. *Homicide Studies*, 2015, vol. 19, iss. 4, pp. 384–400.
9. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, Free Press, 1992. 418 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek*. Moscow, Ast Publ., 2015. 576 p.).
10. Giddens A. *Runaway World: How Globalisation Is Reshaping Our Lives*. New York, Routledge, 2003. 104 p. (Russ. ed.: Giddens E. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizni*. Moscow, Ves Mir Publ., 2004. 120 p.).
11. Bjerregaard B., Cochran J. K. Want amid plenty: Developing and testing a cross-national measure of anomie. *International Journal of Conflict and Violence*, 2008, vol. 2, iss. 2, pp. 182–193.
12. Bjerregaard B., Cochran J. K. A Cross-national Test of Institutional Anomie Theory: do the Strength of other Social Institutions Mediate or Moderate the Effects of the Economy on the Rate of Crime? *Western Criminology Review*, 2008, vol. 9, no. 1, pp. 31–48.
13. Foley C. F. Welfare Payments and Crime. *Review of Economics and Statistics*, 2011, vol. 93, no. 1, pp. 97–112.
14. Lin M. J. Does Unemployment Increases Crime? Evidence from US Data 1974–2000. *Journal of Human Resources*, 2008, vol. 43, iss. 2, pp. 413–436.
15. Raphael S., Winter-Ebmer R. Identifying the Effect of Unemployment on Crime. *The Journal of Law and Economics*, 2001, vol. 44, iss. 1, pp. 259–283.

16. Williams J., Sickles R. C. An Analysis of the Crime as Work Model: Evidence from the 1958 Philadelphia Birth Cohort Study. *Journal of Human Resources*, 2002, vol. 37, iss. 3, pp. 479–509.
17. Merton R. *Social Theory and Social Structure*. New York, Free Press, 1968. 702 p. (Russ. ed.: Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Moscow, Ast Publ., 2006. 873 p.).
18. Gilinsky Ya. I. Social and Economical Inequality as a Criminogenic Factor (from K. Marx up to S. Ol'kov). *Publichnoe i chastnoe pravo = Public and Private Law*, 2010, no. 1 (5), pp. 7–20. (In Russian).
19. Messner S. F., Thome H., Rosenfeld R. Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory. *International Journal of Conflict and Violence*, 2008, vol. 2, iss. 2, pp. 163–181.
20. Messner S. F. An Institutional-anomie Theory of Crime: Continuities and Elaborations in the Study of Social Structure and Anomie. *Cologne Journal of Sociology and Social Psychology*, 2003, vol. 43, no. 1, pp. 93–109.
21. Cullen J. B., Parboteeah K. P., Hoegl M. Cross-national Differences in Manager's Willingness to Justify Ethically Suspect Behaviors: A Test of Institutional Anomie Theory. *Academy of Management Journal*, 2004, vol. 47, no. 3, pp. 411–421.
22. Hagan J., Hefler G., Classen G., Boehnke K., Merckens H. Subterranean sources of subcultural delinquency beyond the American Dream. *Criminology*, 1998, no. 36 (2), pp. 309–341.
23. Muftić L. R. Advancing Institutional Anomy Theory: A Microlevel Examination Connecting Culture, Institutions, and Deviance. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2006, no. 50, pp. 630–653.
24. Hövermann A., Groß E., Zick A., Messner S. Understanding the Devaluation of Vulnerable Groups: A Novel Application of Institutional Anomie Theory. *Social Science Research*, 2015, vol. 52, pp. 408–421.
25. Messner S., Rosenfeld R. Political Restraint of the Market and Levels of Criminal Homicide: A Cross-National Application of Institutional-Anomie Theory. *Social Forces*, 1997, vol. 75, no. 4, pp. 1393–1416.
26. Chiricos T. G. Rates of Crime and Unemployment: An Analysis of Aggregate Research Evidence. *Social Problems*, 1987, vol. 34, iss. 2, pp. 187–212.
27. Land K. C., Cantor D., Russell S. T. Unemployment and Crime Rate Fluctuations in the Post-World War II United States: Statistical Time Series Properties and Alternative Models. In Hagan J., Peterson R. D. (eds.). *Crime and Inequality*. Stanford, 1995, pp. 55–79.
28. Hughes L. A., Schaible L. M., Gibbs B. R. Economic Dominance, the «American Dream», and Homicide: A Cross-national Test of Institutional Anomie Theory. *Sociological Inquiry*, 2015, vol. 85, iss. 1, pp. 100–128.
29. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton University Press, 1990. 248 p.
30. McCall P. L., Brauer J. R. Social Welfare Support and Homicide: Longitudinal Analyses of European Countries from 1994 to 2010. *Social Science Research*, 2014, vol. 48, pp. 90–107.
31. Kara-Murza S. G. *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: Causes and Manifestations]. Moscow, Nauchnyi Ekspert Publ., 2013. 264 p.
32. Hövermann A., Groß E., Messner S. F. Institutional Imbalance, Integration into Non-economic Institutions, and a Marketized Mentality in Europe: A Multilevel, Partial Elaboration of Institutional Anomie Theory. *International Journal of Comparative Sociology*, 2016, vol. 57, iss. 4, pp. 231–254.
33. Kostina E. Yu., Orlova N. A. Choice of Employment Career by Russian Students in Modern Labor Market Conditions. *Indian Journal of Science and Technology*, 2016, vol. 9, no. 44, pp. 69–73.
34. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, Éditions Galilée, 1981. 204 p. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsiya*. Tul'skii poligrafist Publ., 2013. 204 p.).
35. Toffler A. *Future Shock*. New York, Random House, 1970. 562 p. (Russ. ed.: Toffler A. *Shok budushchego*. Moscow, Ast Publ., 2002. 557 p.).
36. Krivosheyev V. V. Short Life Projects as Basis of Modern Society Anomie. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: The Humanities and Social Science*, 2009, no. 6, pp. 69–77. (In Russian).
37. Polanyi K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. New York, Farrar & Rinehart, 1944. 318 p. (Russ. ed.: Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2002. 320 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костина Елена Юрьевна — доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат социологических наук, доцент, руководитель образовательной программы «Социология», г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru.

Орлова Надежда Александровна — старший преподаватель кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: orlova.na@dvfu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Костина Е. Ю. Социально-экономические детерминанты преступности в современном российском обществе / Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 6. — С. 795–805. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).795-805.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kostina, Elena Yu. — Head, Chair of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Ph. D. in Sociology, Ass. Professor, Head, «Sociology» Educational Program, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru.

Orlova, Nadezhda A. — Senior Lecturer, Chair of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: orlova.na@dvfu.ru.

FOR CITATION

Kostina E. Yu., Orlova N. A. Socio-economic determinants of crime in modern Russian society. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 795–805. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).795-805. (In Russian).